

Э.Т. Какильбаева* , Р.У. Шанаев

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: inkar.kakil@mail.ru

АЛГОРИТМ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА СТУДЕНТАМИ-ФИЛОЛОГАМИ ПРОЗЫ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА

Авторы статьи во главу угла ставят тезис о том, что интертекстуальный подход к изучению современной казахстанской прозы является одной из перспективных методик обучения студентов на филологическом факультете, поэтому основной целью их исследования является выявить возможности поиска межтекстовых взаимодействий одного текста с другими. Алгоритм осуществления интертекстуального анализа построен на выделении «чужого слова» в тексте рассматриваемой повести Николая Веревочкина, определении функций заимствований и интерпретации «ближнего» и «дальнего» смыслов отсылок, реминисценций, аллюзий и разных видов цитаций. С точки зрения авторов статьи, выявление интертекстовых элементов на первом этапе исследования текста, систематизация этих «включений» и определение их функций не только способствует полному погружению студента в текст повести Н. Веревочкина, но и позволяет ему выйти в широкий культурный контекст. Главный герой Ананий Перфильевич Бвзвдзиндзский «вписан» в известную галерею «маленьких людей», имеет много общего с гоголевским героем, схож с героями постмодернистской прозы, называемыми «человек-ноль», «человек-минус». Анализ интертекстуальности повести «Жертвенный осел» на каждом этапе ее исследования выявляет новые смыслы сюжета и устанавливает новые формы диалога с другими текстами.

Ключевые слова: алгоритм, интертекстуальность, межтекстовые связи, «маленький человек».

I.T. Kakilbayeva*, R.U. Shanayev

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: inkar.kakil@mail.ru

Algorithm of intertextual analysis by students-philologists of modern Kazakhstani writers' prose

The authors of the article focus on the thesis that the intertextual approach to the study of modern Kazakh prose is one of the promising methods of teaching students at the Faculty of Philology, therefore, the main purpose of their research is to identify the possibilities of searching for intertextual interactions of one text with others. The algorithm of intertextual analysis is based on the identification of a "foreign word" in the text of the story under consideration by Nikolai Verevochkin, the definition of borrowing functions and the interpretation of "near" and "far" meanings of references, reminiscences, allusions and various types of citations. From the point of view of the authors of the article, the identification of intertext elements at the first stage of text research, the systematization of these "inclusions" and the definition of their functions not only contributes to the student's complete immersion in the text of N. Verevochkin's story, but also allows him to enter a wide cultural context. The main character Ananiy Perfilievich Bvzvdzindzsky is "inscribed" in the famous gallery of "little people", has a lot in common with Gogol's hero, is similar to the heroes of postmodern prose called "man-zero", "man-minus". The analysis of the intertextuality of the story "Sacrificial Donkey" at each stage of its research reveals new meanings of the plot and establishes new forms of dialogue with other texts.

Key words: algorithm, intertextuality, intertextual connections, "little man"

I.T. Kәкілбаева*, Р.У. Шанаев

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: inkar.kakil@mail.ru

Қазақстан жазушыларының қазіргі прозасын зерттеу кезінде филолог студенттердің интертекстуалдық талдау жасау алгоритмі

Мақала авторларының пайымдауынша, қазіргі қазақстандық прозаны зерттеудегі интермәтіндік көзқарас филолог-студенттерді оқытудың перспективалық әдістемелерінің бірі, сондықтан зерттеудің негізгі мақсаты – мәтінаралық өзара әрекеттесу мүмкіндіктерін

анықтау. Мәтінаралық талдауды жүзеге асырудың ұсынылған алгоритмі Николай Веревочкиннің қарастырылып отырған әңгімесінің мәтінінде "біреудің сөзін" бөліп көрсетуге, кірме сөздер функцияларын анықтауда және сілтемелердің, реминисценциялардың, түспалдаулардың және дәйексөздердің әртүрлі түрлерінің "жақын" және "алыс" мағыналарын түсіндіруге негізделген. Мақала авторларының көзқарасы бойынша, мәтінді зерттеудің бірінші кезеңінде мәтінаралық элементтерді анықтау, "кірме сөздерді" жүйелеу және олардың функцияларын анықтау студенттің Н. Веревочкиннің әңгімесінің мәтініне толық енуіне ықпал етіп қана қоймай, кең мәдени контекстті қамтуға мүмкіндік береді. Жазушының басты кейіпкері Ананий Перфильевич Бэвззиндзский әйгілі "кішкентай адамдар" галереясына "қосылған", Гоголь кейіпкерлерімен көптеген ұқсастықтары бар, "адам-нөл", "адам-минус" деп аталатын постмодерндік прозаның кейіпкерлеріне де ұқсас. "Құрбандық есегі" әңгімесінің интертекстуалдылығын талдау барысында оны зерттеудің әр кезеңінде сюжеттің жаңа мағыналары мен басқа мәтіндермен диалогтың жаңа формалары анықталады.

Түйін сөздер: алгоритм, интертекстуалдылық, мәтінаралық байланыстар, кішкентай адам.

Введение

Происходящие в современном образовательном пространстве перемены изменили цели обучения и в высших учебных заведениях Казахстана, что, в свою очередь, потребовало пересмотра профессиональных компетенций сегодняшнего выпускника-филолога. Одной из важных педагогических задач на практических занятиях по дисциплине «Основы изучения поэтики художественного текста» является обучение студентов приемам анализа и интерпретации художественного текста на примере произведений современной казахстанской прозы. Методологической основой исследования этих умений является принцип системности и целостности процесса анализа и интерпретации текста, заключающийся в понимании необходимости выявлять поэтапно внутренние связи произведения и соотносить их с его ближним и дальним контекстами для определения сходства и различий с другими текстами, что неизбежно приведет студента-исследователя к пониманию не только имманентной сущности анализируемого произведения писателя, но и скрытых подтекстов.

При таком подходе к анализу и интерпретации художественного произведения нужно активизировать имеющиеся у студента-филолога теоретические знания об исследовательских технологиях, в частности об интертекстуальном анализе, понять специфику объекта и предмета исследуемого текста, составить общую схему алгоритма изучения текста, при этом уделить внимание анализу названия произведения и его составляющих, соотносению его содержания с надтекстовыми составляющими, расчленению текста на микросюжеты для выявления основного лейтмотива, ключевых идей и образов произ-

ведения. Поэтому целью статьи является определение методологических и методических ориентиров при исследовании межтекстовых связей художественного текста в процессе акмеологического чтения с последующей их «дешифровкой».

Материалы и методы

Анализ и интерпретация художественного произведения, осуществляемый студентами-филологами на практических занятиях по литературоведческим дисциплинам, – процесс сложный и многоуровневый: анализ предполагает выяснение вопросов построения всей внутренней и внешней структуры текста, а интерпретация направлена на выявление той информации, которая заложена в содержании текста. Как считает Н.Н. Михайлов (МГУ им. М.В. Ломоносова), интерпретация позволяет выйти из узкого пространства содержания текста на простор фоновых знаний (Mihaylov, 2006: 144).

Обозначенные выше принципы исследования художественного текста на семинарах по изучению поэтики текста положены в основу разработки нами алгоритма исследования интертекстуальных связей повести Николая Веревочкина «Жертвенный осел».

Общеизвестно, что не только в школьной, но и вузовской практике основное внимание чаще всего уделяется фабуле и сюжету, композиции и жанру произведения. Но такое обыденное толкование не позволяет понять явные и скрытые смыслы произведения в целом. Этого можно достичь при помощи интертекстуальной технологии, позволяющей выявить смыслопорождающие функции межтекстовых ассоциативных связей одного произведения с другими, ибо, как

утверждает М.М. Бахтин, текст всегда открыт миру. Он диалогичен по своей природе, что выражается в «отсылках к произведениям с похожими сюжетами, персонажами и проблемами» (Bahtin, 1979). Интертекстуальный подход позволяет расширить культурную память студента, развить умения находить межтекстовые связи и тем самым углубить понимание художественного текста. Большую методическую помощь оказывают культурно-исторический подход к проблеме интртекста, а также приемы сопоставительного, герменевтического, рецептивного, интертекстуального анализа.

«Жертвенный осел» - одна из повестей, вошедших в книгу Николая Веревошкина «Страна без негодяев», как и другие произведения писателя («Ностальгин для синеглазых», «Подзаборные боги», «Страна без негодяев», «Грибной дождь в Новостаровке», «Парик для черта лысого», «Похитители мухоморов», «Дети тумана, или Кентавр неподкованный»), написана в конце семидесятых – середине девяностых годов XX века, в сложное не только для казахстанской литературы время. Эти повести до сих пор остаются вне поля внимания исследователей творчества писателя. Упоминания о героях Н. Веревошкина можно встретить лишь в обзорных статьях о современной казахстанской прозе: к примеру, С.М. Блатова (Blatova, 2010), исследуя функции детали в художественном тексте, обращается к повести «Городской леший, или Ероха без подвоха», в которой главной, по ее мнению, является тема о последствиях вторжения человека в жизнь природы, герой - леший Ероха, оказавшись в городе, превращается в художника Мамонтова, продолжает свою миссию спасителя природы. К. Гайворонский в рецензии «Леший его знает!» (Gayvoronsky, 2008: 111-113) делает обозначает интертекстуальные связи повестей Николая Веревошкина с прозой Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова.

Обзор литературы

Методологическую основу данного исследования составили фундаментальные работы М.М. Бахтина о диалоге культур (Bahtin, 1979), Ролана Барта, считавшего каждый текст интертекстом (Bart, 1994), Юлии Кристевой (Kristeva, 2004), разработавшей на основе теории своих вышеназванных учителей концепцию интертекстуальности. По мнению структуралистов и постструктуралистов, интертекстуальность

была использована постмодернистами для образования нового текста, то есть стала текстообразующим и текстопорождающим приемом (Arnold, 1994). Исследователи интертекстуального анализа давно пришли к выводу, что на сегодняшний день нет возможности разработать единую методику интертекстуального анализа для окончательного понимания произведения, пронизанного интертекстуальными элементами. Поэтому из всех известных классификаций интертекстов, применяемых при исследовании конкретного произведения того или иного писателя, наше внимание уделено концепции Жерара Жеттета о межтекстовых взаимодействиях (Jenett, 1992), классификации текстов по принципу «метатекст – прототекст» Пэтера Торопа (Trop, 1981) и теории Н.А. Фатеевой, изложенной в монографии «Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности» (Fateeva, 2007). По мнению исследовательницы, именно интертекст насыщает произведение новыми смыслами и порождает его множественные интерпретации. По мнению М.Л. Гаспарова, интерпретация конкретного произведения опережает теорию интертекста (Gasparov, 2002). Ученый по-своему оригинально определяет границы интертекста.

В казахстанском литературоведении проблема интертекстуальных связей современной прозы русских и казахских писателей рассматривались С.М. Алтыбаевой (Altybayeva, 2008), исследовавшей функции аллюзий и реминисценций в романах А. Жаксылыкова, Д. Накипова, Х. Адибаева; Адиловой А.С., Балмагамбетовой Ж.Т. (Adilova, Balmagambetova, 2014: 470-473). Поэтике интертекста в русской-казахском литературном пространстве XIX-XX веков посвятила свою диссертацию Г.А. Шарипова (ЕНУ им. Л.Н. Гумилева) (Sharipova, 2007). Ею выявлены составляющие литературных переключек прозы И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и романа-эпопеи «Путь Абая» М.О. Ауэзова, интертекстуальные связи Беимбета Майлина, Габита Мусрепова и А.П. Чехова. Подобную задачу – определить интертексты сказки Николая Веревошкина «Нарисуй мне золотое сердце» - решают в своей статье Б.У. Джолдасбекова и Р.У. Шанаев (Djoldasbekova, Shanayev, 2019: 625-632), рассмотревшие точки соприкосновения этого рассказа Николая Веревошкина с «Маленьким принцем» Экзюпери, «Синей звездой» А.И. Куприна, «Старухой Изергиль» М. Горького, с одной стороны, и литературными сказками казахстанских писателей Е. Зейферт, З. Наурзбаевой и Л. Калаус, с другой,

для того, чтобы понять смысл произошедших в сказке Н. Веревочкина трансформаций. Интертексты повести писателя «Жертвенный осел» лишь упомянуты в статье российского литературоведа Л.А. Теракопьяна «Тектоника разлома. Николай Веревочкин и его герои» (Теракопьян, 2009: 204-212), посвященной обзору романов и повестей писателя, отмеченных литературными премиями, в частности, повести с симптоматичным заглавием – «Человек без имени». Главного героя повести критик считает новым персонажем постмодернистской прозы: бомж, оставивший все, что имел в прошлой жизни, кроме аланта художника не помнивший ни своего имени, ни фамилии, не существующий в реальной действительности, с полным правом может быть вписан в галерею «маленьких людей» русской классики.

Результаты и обсуждение

На первом этапе работы над повестью Николая Веревочкина «Жертвенный осел» предметом исследования были нами выбраны следующие аспекты структурно-семантического анализа текста: терминологические сложности, связанные с понятием темы произведения (Что мы имеем в виду, когда говорим о теме как об объективной стороне художественного содержания? Как соотносятся между собой понятия «тема», «персонаж», «характер»?).

Студентам был предложен алгоритм анализа, который позволит понять смысл авторского замысла, начиная с названия повести:

- определите, какая формулировка темы является главной в повести Николая Веревочкина «Жертвенный осел»;
- подумайте, какие аспекты тематики – конкретно-исторические или вечные – более важны для анализа повести «Жертвенный осел»;
- чему – характерам или ситуациям – нужно уделить преимущественное внимание в вышеуказанной повести.

Разработанные нами методические материалы по данной теме, отобранные для анализа фрагменты текста повести, флипчарты способствовали поиску интертекстуальных отсылок к сюжетам со схожими заглавиями в русской, восточной и западной литературе. Работу над можно продолжить поиском «чужого» слова в тексте повести Н. Веревочкин с целью выявить конкретные формы интертекстуальности, определить прецедентные тексты по отношению к

«Жертвенному ослу», среди которых студенты могут обратить внимание на «Роковые яйца» М. Булгакова и «петербургские повести» Н.В. Гоголя, на рассказы современных казахстанских писателей, то есть обнаружить «двойное дно» повести, углубиться в текст, интекст и подтекст, чтобы понять намерения и автора-повествователя этой истории, и самого Н. Веревочкина.

Николай Веревочкин в привычной для его творчества иронической манере продолжает исследовать судьбу своих современников, этих «маленьких людей» нового времени, оказавшихся в абсурдных ситуациях. Таковым героем в повести «Жертвенный осел» является Ананий Перфильевич Бзвздзиндзский, при упоминании имени героя повествователь делает особое примечание, с нашей точки зрения, необходимое для создания действительного мира, граничащего с миром абсурдным и поэтому фантастическим: «Фамилии, имена и отчества героев, названия населенных пунктов, упомянутых в этой истории, – подлинные» (Verevochkin, 1998: 4). Он создает иллюзию реальности происходящего, исследует привычную для людей течение жизни, в которой происходит катастрофа: «В одно из весенних воскресений, когда разом обезумевшая природа занимается исключительно вопросами размножения, Ананий Перфильевич Бзвздзиндзский был сожран львом» (Verevochkin, 1998: 5).

Крутая детективная завязка сюжета благодаря приему «читательского ожидания» вызывает неподдельный интерес тексту, который с первых строк может восприниматься как текст-предчувствие чего-то непредсказуемого, с одной стороны, и вводит сюжет в широкий контекст мировой литературы.

В мировой культуре осел – священное животное, он сопровождает бога на земле. В библейских мифах известен сюжет о Валаамовой ослице, которая предупредила своего хозяина-мага о грозящей ему опасности. Царь Моав хотел использовать его магические чары против израильтян, но ослица трижды увидела ангела, грозящего магу, заговорила, чтобы предупредить Ваалама.

Во время римских сатурналий приносили в жертву священного осла перед храмом, то есть совершали ритуальное убийство не царя, а его двойника. На рождественских карнавалах король дураков ездил по городу на осле. Нужно также отметить, что из всех животных осел стал использоваться человеком намного раньше лошади. В Африке и на Ближнем он считался са-

кральным, и на нем ездили судьи и иудейские цари, в Египте он был атрибутом бога солнца. У самого бога Сета была ослиная голова и уши, которые символизировали мудрость. В западноевропейской культуре осел превратился в символ «Конь Иисуса Христа», его мать Мария едет в Египет на осле. И сам Иисус Спаситель на Пасху выезжает в Иерусалим верхом на осле.

По нашему мнению, Николай Веревочкин не мог не использовать символику жертвенного осла в своем сюжете о «маленьком человеке», историю жизни которого он знал не понаслышке, восстанавливает происшествие по свидетельствам очевидцев, подробно, во всех деталях, первая из которых вносит ясность в трактовку этого героя: съдаемый львом «несчастный вел себя прилично», смиренно, и просил «пощадить царя зверей», занесенного в Красную книгу.

При восстановлении всех моментов биографии героя писатель ориентируется на классические традиции изображения «маленького человека», применяет, прежде всего, гоголевские приемы характеристики героя: «лысинка на темечке», «ходил как-то бочком», «к стеночке жался», «чего-то писал», «безобидный, тихий, безотказный», «исключительно исполнительности», «титанической работоспособности», «кристальной моральной чистоты», «аппаратный муравей». Вердикт через полгода выносит его непосредственный начальник Лев Бамбукович Опушев из Того Самого Дома: «Я бы о таких прямо книги писал. «Жизнь незаметных людей» под заглавием» (Verevochkin, 1998: 4).

Анания Перфильевича Бзвздзиндзского можно назвать человеком-ноль, «минус»-героем, хотя имя его, данное при рождении означает вознесение по милости Яхве, он отмечен самим богом. В реальной жизни Ананий – чиновник не обладает достоинствами Опушева, который был фигурой крупной во всех отношениях, служит в Том Самом Доме. Повествователю, который видел Бзвздзиндзского лишь один раз на званом вечере у директора зоопарка, герой кажется «человеком без особых примет».

«Ел он один гарнир, потому что был вегетарианцем, но всегда покупал бифштекс, не желая выделяться из среды сослуживцев – мясоедов. Спал, свернувшись калачиком, лицом стенке. Ходил быстро, но бесшумно. Со всеми здоровался первым, не обижался, никогда не возражал, в общественный транспорт входил последним, всех называл на «вы» (Verevochkin, 1998: 35).

Но Бзвздзиндзский, кроме чрезвычайной скромности, обладал еще одним качеством – страстью к сочинительству, которой воспользовались вышестоящие люди, его начальник Лев Бамбукович Опушев. Повествователь вводит еще одну многозначную сюжетную деталь: вскоре после встречи школьных товарищей Опушева и Хорькова на пенсию ушел директор зоопарка. Человек талантливый во всех отношениях он был ученым, писателем, художником-анималюбом, на его месте оказался Хорьков, охотник до королевских охот. Обилие таких кратких, но содержащих в подтексте скрытую информацию, рожающую другие мысли о том, что происходит в этом мире, позволяет нам увидеть в поэтике этой повести не только приемы психологического анализа, но и элементы философских размышлений.

Герой Веревочкина – человек интеллектуального труда, обладает исключительным писательским талантом. Рассказчик-повествователь, восстанавливающий все перипетии его драматичной судьбы, потрясен: «А я читал удивительные истории, в которых реальность переплеталась с вымыслом, создавая особый поэтический сплав, секрет которого утерян. От аккуратных строк веяло пронзительной, отчаянной добротой и беззащитностью» (Verevochkin, 1998: 35).

Он пытается найти ответ на вопрос о превращении Анания-писателя в литературного раба: скромность, боязнь, нелюдимость, страх? Расследование, которое ведет Веревочкин-повествователь, очевидец и рассказчик в одном лице, выявляет самые страшные пороки этого типа людей: мягкость и уступчивость – вот основные черты Анания Бзвздзиндзского. Герой был добрым, чутким, беззлобным, неслучайно у окружающих создавалось впечатление, что он в этом мире людей «отчего-то стыдился быть человеком». Он податлив, как глина в добрых руках. Но всякая жесткость для него губительна, ибо, пожалуй, ни один человек не может так не противиться злу, как Ананий. С нашей точки зрения, он в этом превзошел своего предшественника Акакия Акакиевича Башмачкина.

Бзвздзиндзский не смог пройти испытание любовью: он вновь отступил, хотя секретарша Опушева и ее сын, в котором герой видел свою копию, дали надежду на лучшую жизнь с идеальной женщиной, которую он создал в своей голове. Но он вновь спрятался в свой футляр, как и чеховский Беликов. Он продает не только свой

талант своему начальнику, поступает как сутенер, уступает ему и любимую женщину.

Его невольный биограф, рассказывающий об этой трагедии, произошедшей в тихом городе Тешинске, знакомом читателям повестей, рассказывающих о «стране без негодяев и о людях, мечтающих о праведной жизни в такой стране, представляет полный психологический портрет героя современности, продолжающего галерею «маленьких людей», включает в орбиту его существования тех персонажей, которые сформировали Анания Перфильевича Бзвздиндзского как личность со всеми его достоинствами и пороками.

Бзвздиндзский выбирает одиночество, его позиция - отрешенность от общества: «В последние месяцы своей жизни он не смотрел телевизор и не читал газет. Боялся нелюбви к людям, которая неизбежно возникает при этих занятиях. Неприятны были людские скопища - очереди, митинги» (Verevochkin, 1998: 37). Перед смертью герой измучен сердечными и жизненными терзаниями, утратил всякую мотивацию к жизни.

Будучи сказочником с доброй душой и совестью, герой ведёт аскетичный образ жизни ради чистой мечты. Он хочет жить без ссор, препираний, хищности в обществе, из-за чего стал жертвой недобросовестных людей. Но, жертвуя своим талантом, Ананий Перфильевич даёт возможность другим обрести славу, богатство и почёт. Кроме Опуьева его дарами воспользовалась секретарша: Бзвздиндзский ей дарит свои сказки как подарок на день рождения, после его смерти она опубликовала их под своим именем и стала известной детской писательницей.

– То есть как дарите? Золотой мой, нельзя этого делать. Я не могу объяснить почему, но нельзя...

– Почему? Почему писать книги за Опуьева можно, а подарить сказки человеку, которого... который тебе приятен, нельзя?...» (Verevochkin, 1998: 31).

Два других увлечения героя, обнаруженные его «биографом»-повествователем, - были известны не всем. О них Ананий Перфильевич Бзвздиндзский признается в своих дневниках, которые с трудом были найдены повествователем и тщательно изучены: «Свободными вечерами брал он лист ватмана, пузырёк туши, старую ученическую ручку с тонким пёрышком... Рисовал он по пяти часов без перерыва мелкими штришками, в манере сугубо реалистической.

Попискивало канарейкой пёрышко, создавая новый мир... И он пытался ученической ручкой и тушью передать запах груздей и голоса женщин. Иногда ему это удавалось» (Verevochkin, 1998: 36).

Еще одна тайная страсть – горы: «Он бы диким альпинистом... В одиночестве взошёл на все вершины в окрестностях города Тёшинска... Привлекала его космическая, жуткая красота запределья» (Verevochkin, 1998: 37-38). Но об этом никто и не догадывался: такое горькое заключение делает Николай Веревочкин от имени повествователя.

Как видим, в этой неоднозначно причитанной многими повести Ананий Перфильевич Бзвздиндзский представляет собой тип «жертвенного осла», одного из центральных в современной русской литературе «маленького человека», восходящего к Самсону Вырину из «Станционного смотрителя» А.С. Пушкина, Акакию Акакиевичу Башмачкину из «Шинели» Гоголя, «бедным людям» Ф.М. Достоевского. Герой изображен бедным, самоотверженным, щедрым, способным на любовь, добрым и беззащитным человеком. Бездушные люди давят на него, пугают и пользуются им, отнимают смысл жизни.

В герое со временем исчезает самоуважение, самооценка как человека. Он ощущает себя «ветошкой», «тараканом»: «В душе моей давно завелись тараканы. Мерзкое существо. Удивительно, но все вопросы по поводу этого отвратительного насекомого: как он сюда попал, что здесь делает, для чего вообще существует? – с таким же успехом можно задать себе... каким жалким дураком чувствуешь себя в тамбуре, между массивными дверями. Не человек – баржа в шлюзе... Всем нужен был осёл. Жертвенный осёл. И я знал такого осла»» (Verevochkin, 1998: 34). Он намеренно умалял собственную ценность в своих и чужих глазах, не пытался предпринять попытки к улучшению своей жизни и положения, отрекся от себя, своего таланта и положения в обществе.

Но глубоко в душе Ананий Перфильевич Бзвздиндзский хранил мечту стать Богом, мечтал создать идеальную планету, заселенную лучшими людьми, «которые жили бы в согласии с природой, не убивали зверей и птиц, ощущали бы себя частью планеты, её сознанием. Они бы не делали оружия, не уродовали землю ужасными строениями. Люди моей планеты выращивали бы дома, как деревья, не строили бы дорог, а летали как птицы...» (Verevochkin, 1998: 28-29).

Не менее значим в поэтике психологической повести «Жертвенный осел» и хронотоп: действие происходит в Тешинске, чаще всего в местах, где природа сливается с людским скопищем, осенью, когда «падают листья. Густо, как снегопад. Они еще светятся. Будто падают язычки пламени. Но уже мертвы» (Verevochkin, 1998: 30). Такой континуум не может не оказывать удручающего воздействия на души светлых людей, ставших «жертвенными ослами». В повести много шокирующих подробностей, зачастую и абсурдно-сюрреалистических. Но именно так показывается беспросветно-страдающее существование «маленького человека», терпящего крах всех своих ценностей. Как и другие современные писатели, обращавшиеся к этой теме, Николай Веревочкин показывает трагедию «маленького человека» и его жизнь во всех зачастую неприглядных бытовых подробностях.

Студенты, получившие такие «подсказки» из самого текста, лекций и консультаций преподавателя, вспоминают другого классического «маленького человека» - Акакия Акакиевича Башмачкина из «Шинели» Н.В. Гоголя. Можно также предложить им обратить внимание на современного Башмачкина, героя одноименной пьесы О. Богаева, где драматург в форме римейка-сиквела по-своему трактует поведение «маленького человека». В поле внимания студентов может попасть и другая повесть Николая Веревочкина «Человек без имени», где героем является бомж, без фамилии и имени, без семьи, дома, без прошлого, потерявший память, живущий в парке Героев Великой Войны, в канализационном люке. Он выпал из этой действительности, отверженный всеми изгой, единственное его богатство – талант художника, которым пользуется антигерой – Митрофан Удищев, у которого есть все, кроме таланта.

Такой алгоритм интертекстуального анализа, по нашему мнению, активизирует мыслительную деятельность каждого студента, занятого восприятием текста, ибо выполняет функции когнитивную (позволяет понять явные и скрытые смыслы происходящего с героем) и гностическую (по-новому понимает и переосмысливает художественные миры, известные в литературе и искусстве).

Заключение

Предложенный нами алгоритм осуществления интертекстуального подхода к анализу повести Николая Веревочкина «Жертвенный осел» как постмодернистской повести позволяет нам считать ее одним из произведений постмодернистской культуры, включенным в диалог со всем мировым пространством. Приемы интертекстуальной игры не только служат ориентиром в поисках студентами скрытых смыслов текста повести, но и стимулятором в развитии их интеллектуальных способностей. Диалог Николая Веревочкина с предшественниками подтверждает тезис М.М. Бахтина, о том, что учителя-классики помогают своим последователям на «новом фоне» найти в известном сюжете «все новые и новые смысловые моменты» (Бахтин, 1979: 332). Анализ повести писателя «Жертвенный осел» позволит студентам понять, что интертекстуальность является приоритетной чертой поэтики Николая Веревочкина: используемые им в своих текстах «цитаты явные и скрытые, литературные и культурные в поэтическом тексте – это, по образному выражению Л.Я. Гинзбург, нервные узлы, прикосновение к которым мгновенно вызывает ряды определённых значений» (Ginzburg, 1979: 43). Интертексты Веревочкина свидетельствуют о «нахождении» казахстанского писателя в русле классической русской литературы.

Литература

- Михайлов Н.Н. Теория художественного текста: учеб. Пособие. – Москва: Издательский центр «Академия», 2006. – 224 с.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - изд. 2-е. – Москва: Искусство, 1979. – 424 с.
- Блатова С.М. Поэтика художественной детали в жанровой структуре рассказа (на материале современной казахстанской прозы): диссерт... канд. филол. наук. – Алматы, 2010. – 165 с.
- Гайворонский К. Леший его знает! // Простор. – 2008. – № 9. – С. 111-113.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р.Барт / пер. с фр./ сост. Г.К. Косиков. – Москва: Прогресс, 1994. – 616 с.
- Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – Москва: РОССПЭН, 2004. – 656 с.
- Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1999. - 444 с.
- Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degré. – Paris: Editions du Seuil, 1982. – 468 p.
- Тороп П.Х. Проблема интекста // Труды по знаковым системам 14: Текст в тексте. – Тарту, 1981. – С. 33-44.

- Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. – Москва: КомКнига, 2007. – 280 с.
- Гаспаров М.Л. Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия РАН. Серия ЛиЯ. – Т. 61. – 2002. – № 4. – С. 3–9.
- Алтыбаева С.М. Интертекстуальные связи современной казахской и русской литератур // МИРС. – 2008. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnye-svyazi-sovremennoy-kazahskoy-i-russkoj-literatur> (дата обращения: 15.01.2023).
- Адилова А.С., Балмагамбетова Ж.Т. Феномен интертекстуальности в казахском художественном дискурсе // Успехи современного естествознания. – 2014. – №12-4. – С. 470-473. – URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=34637> (дата обращения: 18.01.2023).
- Шарипова Г.А. Интертекстуальное пространство (диалоги русской литературы XIX – начала XX вв. и казахской литературы XX в).. – Астана: Евразийский ун-т им. Гумилева, 2007. – 282 с.
- Джолдасбекова Б.У., Шанаев Р.У. Интертексты рассказа Николая Веревочкина "Нарисуй мне золотое сердце" // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2019. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interteksty-rasskaza-nikolaya-verevochkina-narisuy-mne-zoloto-e-serdtse> (дата обращения: 08.01.2023)
- Теракопьян Л. Тектоника разлома. Николай Веревочкин и его герои // Дружба народов. – 2009. – № 6. – С. 204-212.
- Веревочкин Н. Жертвенный осел // Веревочкин Н. Страна без негодяев: повести. – Алматы: Жазушы, 1998. – С. 3-39.

References

- Adilova, A.S., Balmagambetova, Zh.T. (2014). Fenomen intertekstual'nosti v kazahskom hudozhestvennom diskurse [Phenomenon of intertextuality in Kazakh art and art discourse]. Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya [Successes of modern natural science]. Iss. 12-4. P. 470-473. – URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=34637> (Date of use: 18.01.2023). (in Russian).
- Altybaeva, S.M. (2008). Intertekstual'nye svyazi sovremennoj kazahskoj i russkoj literatur [Intertextual relations of modern Kazakh and Russian literature]. MIRS. Iss. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnye-svyazi-sovremennoy-kazahskoy-i-russkoj-literatur> Date of use: 15.01.2023). (in Russian).
- Arnold, I.V. (1999). Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost' [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbSU. (in Russian).
- Barth, R. (1994). Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika [Selected works: Semiotics: Poetics]. Moscow: Progress. (in Russian).
- Bakhtin, M.M. (1979). Estetika slovesnogo tvorchestva [Ethetics of verbal creativity]. Moscow Art. (in Russian).
- Blatova, S.M. (2010). Poetika hudozhestvennoj detali v zhanrovoj strukture rasskaza [Poetics of artistic detail in the genre structure of the story (on the material of modern Kazakh prose): dissertation. ... candidate of philological sciences]. Almaty. (in Russian).
- Verevochkin, N. (1998). Zhertvennyj osel. [Sacrificial donkey]. Strana bez negodyaev: povesti [The country without scoundrels: stories]. Almaty: Zhazushy. P. 3-39. (in Russian).
- Gaivoronsky, K. (2008). Leshij ego znaet! [The leshie knows him!]. Space [Prostor]. Iss. 9. P. 111-113. (in Russian).
- Gasparov, M.L. (2002). Literaturnyj intertekst i yazykovoj intertekst [Literary intertext and linguistic intertext]. Izvestiya RAN. Series LiYa [News of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language series]. Iss.4. P. 3-9. (in Russian).
- Joldasbekova, B.U., Shanaev, R.U. (2019). Interteksty rasskaza Nikolaya Verevochkina "Narisuj mne zolotoe serdce" [Intertexts of Nikolai Verevochkin's story "Draw me a golden heart"]. Vestnik RUDN. Series: Literary Studies, Journalism [Bulletin of the RUDN. Series: Literary studies, journalism] Iss. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interteksty-rasskaza-nikolaya-verevochkina-narisuy-mne-zoloto-e-serdtse> (in Russian).
- Genette, G. (1982). Palimpsestes. La littérature au second degré [Palimpsests. Literature at the second degree]. Paris: Editions du Seuil. (in French)
- Kristeva, Y. (2004). Izbrannye trudy: razrushenie poetiki [Selected Works: Destruction of Poetics]. Moscow. ROSSPEN. (in Russian).
- Mikhailov, N.N. (2006). Teoriya hudozhestvennogo teksta: ucheb. Posobie [Theory of the art text: textbook]. Moscow: Publishing Centre "Academy". (in Russian).
- Terakopian, L. (2009) Tektonika razloma. Nikolaj Verevochkin i ego geroi [Fault tectonics. Nikolai Verevochkin and his heroes]. Druzhiba narodov [Friendship of Peoples]. Iss. 6. P204-212. (in Russian).
- Torop, P.H. (1981). Problema inteksta [The Problem of Intertext]. Trudy po znakovym sistemam 14: Tekst v tekste [Works on Sign Systems 14: Text in Text]. Tartu. P. 33-44. (in Russian).
- Fateeva, N.A. (2007). Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti [Intertext in the World of Texts: Counterpoint of Intertextuality]. Moscow. KomKniga. (in Russian).
- Sharipova, G.A. (2007). Intertekstual'noe prostranstvo (dialogi russkoj literatury XIX – nachala XX vv. i kazahskoi literatury XX v). [Intertextual space (dialogues of Russian literature of the XIX – early XX centuries and Kazakh literature of the XX century)]. Astana: Gumilev Eurasian University. (in Russian).